

Александр Шунков

Идея порядка и её воплощение в жанровой традиции Древней Руси

Acta Neophilologica 14/1, 193-201

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Александр Шунков

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ИДЕЯ ПОРЯДКА И ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Key words: genre, Russian medieval literature, ceremonial and artistic texts

Как известно, художественный мир Древней Руси – это особая модель, в которой воплощено миропредставление средневекового человека о божественном универсуме. И одной из категорий, лежащей в основе миропонимания автора Древней Руси, была категория „чин”. Как отмечают отечественные медиевисты, понятие „чина” появляется в русской культуре фактически одновременно с принятием христианства и фиксируется уже в ранних книжных текстах. Войдя в русскую литературу, впоследствии, категория „чина” будет на протяжении семи веков до XVII столетия включительно определять процесс составления и восприятия читателем книжного текста.

Какое толкование дается понятию „чин”, полисемичному по своей природе? Единого определения в науке не существует. Так, Людмила Чёрная в своей статье¹ ссылается на работу Измаила Срезневского, в которой академиком приведено 14 значений этого понятия: ‘порядок’, ‘подчинение’, ‘последование’, ‘правило’, ‘устав’, ‘степень’, ‘должность’, ‘сан’, ‘сонм’ и др.

Однако важным здесь является другое: каким бы семантическим оттенком ни обладало это понятие, любой из них непосредственно воплощал в себе идею божественного начала, которое и должно было быть отражено в книжном тексте посредством особых канонических приемов. Обращение к чину должно было привести к богоустроенному порядку земной мир, основой которого является вертикальная иерархия связей явлений, одновременно воплощающая собой представление о красоте и гармоничной соразмерности. В связи с этим в Древней Руси понятие „чин” становится еще и единицей измерения прекрасного. Показательным примером может служить фрагмент

¹ Л.А. Чёрная, *О понятии „чин” в русской культуре XVII века*, в: *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 47, Санкт-Петербург 1993, с. 343–356.

Повести временных лет – описание божественной литургии, на которой присутствовали послы князя Владимира:

И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы – на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить².

Стоит отметить, что именно эстетическая сторона торжественного церковного обряда стала определяющим фактором в выборе христианской веры киевским князем, и то первое впечатление, которое произвела литургия, прочно укрепится в сознании русского человека. Золотофонные образы храма св. Софии в Константинополе, так поразившие русских послов, фаворским светом освятят последующую тысячелетнюю историю русской культуры. Символику и значение золота в византийской культуре в свое время прекрасно раскрыл Сергей Аверинцев в своей работе *Золото в системе символов ранневизантийской культуры*³, в которой была продемонстрирована множественность смыслов данного символа. Это и „образ света как истины и славы”, и „образ божественных энергий, действующих в веществе”, и символ рая, не знающего „порчи греха и порчи тлена; поэтому золото есть постоянная метафора для девства и нетления”, и символ „самых блистательных, самых изящных, самых праздничных персонажей византийской и древнерусской иконографии”.

Первые оригинальные произведения русской литературы дают возможность убедиться в том, что русский автор органично принял византийскую концепцию присутствия в земном мире божественной красоты и стремился к изображению и воссозданию ее в произведении посредством использования особых канонических приемов. Так, в *Слове о законе и благодати* митрополит Иларион утверждает идею божественного преображения тварного и тленного мира, приведения его к идеальному, гармоничному мироустройству, „чинности”. Показывается это не только традиционным для христианской поэтики приемом „символического параллелизма”⁴, в основе которого лежит принцип антитезы, но и на уровне семантики имени главного героя – князя Владимира. Замена славянского (языческого) имени Владимир греческим (христианским) именем Василий в тексте выполняет еще одну важную идеологическую функцию. Учитывая тот факт, что *Слово о законе и благодати* адресовано „не несведущим [...], но с преизбытком насытившимся книжной сладости”, имя Василий должно было вызывать ассоциации с рядом имен

² *Повесть временных лет*, подг. текста, перев. и коммент. О.В. Творогова, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1: *XI–XII века*, Санкт-Петербург 1997, с. 155.

³ С.С. Аверинцев, *Поэтика ранневизантийской литературы*, Санкт-Петербург 2004, с. 404–425.

⁴ Термин Дмитрия Лихачева. См. Д.С. Лихачев, „*Слово о Законе и Благодати*” Илариона, в: *idem, Избранные работы в трех томах*, Ленинград 1987, т. 2, с. 31.

христианских святителей⁵, среди которых может быть названо и имя Василия Великого, автора книги *Беседы на Шестоднев*. Книга, написанная в IV веке, сформирует у христианина представление об иерархичности мироздания:

И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом Любви в единое общение и в одну гармонию...⁶.

В русской ситуации именно Владимир книжниками будет осмыслен как апостол, даровавший благодать, с помощью которой человек получает возможность воспринимать и изображать видимый мир возвышенно и гармонично („чинно“) устроенным⁷.

Именно поэтому по отношению к понятию „чин“ синонимичными выступают еще и такие категории, как „церемониальность“ или „этикетность“ („литературный этикет“):

Средневековый книжник, создавая или переписывая то или иное произведение, создает известное литературное „действие“, „чин“⁸.

Средневековый литературный текст автономен, ему подчинены и его составитель, и его читатель. Красота текста (представленная устойчивыми словесными клише, речевыми фигурами) не может не поражать и не удивлять читателя. Читатель, многократно прочитывая один и тот же текст, постоянно оказывается участником некоего торжественного церемониала, о чем в свое время писал Дмитрий Лихачев:

Литературное произведение живет „идеальной“ и вполне самостоятельной жизнью. Читатель не „воспроизводит“ в своем чтении это произведение, он лишь „участвует“ в чтении, как участвует молящийся в богослужении, присутствующий при известной торжественной церемонии⁹.

Справедливости ради стоит отметить, что обрядовость („чинность“) как одна из категориальных особенностей древнерусской литературы была отмечена не только отечественными, но и европейскими литературоведами. Так, например, в свое время Цветан Тодоров в статье *Поэтика в СССР*¹⁰, проводя анализ *Поэтики древнерусской литературы* Лихачева, вводит понятие „кода“, синонимичное „литературному этикету“. С точки зрения Тодорова, вся древнерусская литература подчинена надличностному началу, основой

⁵ Ibidem, с. 32.

⁶ Василий Великий, *Беседы на Шестоднев*, в: *Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесари Каппадокийския*, Москва 1991, ч. 1, с. 25–26.

⁷ Л.В. Оленич, „Шестодневное мироощущение“ в европейском пейзаже в период от средневековья к новому времени, *Вестник Томского гос. унив-та* 2006, № 22, с. 68.

⁸ Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, в: idem, *Избранные работы в трех томах*, Ленинград 1987, т. 1, с. 360.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Статья была написана в 1972 году и опубликована в журнале *Poétique* (1972, № 9). См. подробнее об этом: Ф. Лесур, *Труды Д.С. Лихачева во французском восприятии*, в: *Труды отдела древнерусской литературы*, Санкт-Петербург 1997, т. 50, с. 32–39.

которого является обряд, который теряет свою значимость в те моменты, когда „старые каноны разрушаются под воздействием внелитературных факторов, [...] и в традиционное повествование вторгается другая форма – непосредственная запись”¹¹.

Таким образом, развитие русской средневековой литературы помимо того, что оно определялось историко-культурным контекстом, приводившим к смене художественных парадигм, важным в развитии словесной культуры, являлось понимание той роли, которую играет чин (обряд), определяющий жанровые и содержательные границы литературы.

Если проследить исторический путь развития русской средневековой словесности, то становится вполне понятным желание автора в постоянном обращении к византийской традиции, понимаемой как единственной правильной в постижении и изображении мира, в определении в нем места самого человека.

Задача древнерусской культуры сводилась к повторению зафиксированных библейской историей явлений, идей, образов, с тем чтобы через „чин” примкнуть к высшим священным явлениям, [...] дотянуться до „благого – прекрасного”, заложенного в них¹².

Идея гармоничного мироустройства оказывалась всегда приоритетнее и единственно правильной, чем желание авторского самовыражения в литературном произведении. Одним из ярких примеров, подтверждающих значимость самостоятельного бытия гармонии, является литература Киевского периода, XII – первой трети XIII веков, которая предоставила читателю возможность получения духовного наслаждения от восприятия и созерцания прекрасного: сферы небесных чинов („Царства Небесного”), красоты природного мира как выражения высшей творческой мудрости Творца.

Блестящее и стремительное развитие литературы этого периода прерывается татаро-монгольским нашествием, принесшим с собой не только стихию разрушения, но и крушение прежнего представления о порядке и красоте, зафиксированное в литературных памятниках XIII века (*Слово о погибели Русской земли*, *Повесть о разорении Рязани Батыем* и др.). Полтора столетия русская литература была представлена в основном воинскими повестями, оказавшими свое влияние на всю жанровую систему той эпохи. Однако общим для всех произведений этого периода станет изображение прежнего порядка, противопоставляемого утвердившемуся хаосу (бесчинию):

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты [...] И в те дни [...] обрушилась беда на христиан...¹³,

¹¹ Ф. Лесур, *Указ. соч.*

¹² Л.А. Чёрная, *op. cit.*, с. 344.

¹³ *Слово о погибели русской земли*, подг. текста, перев. и коммент. Л.А. Дмитриева, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 5: *XIII век*, Санкт-Петербург 1997.

О сей град Рязань и земля Рязанская! Исчезла красота ее, и отошла слава ее, и нет в ней ничего доброго для взора – только дым и пепел¹⁴.

Рубеж XIV–XV веков известен в истории Руси как эпоха русского Предвозрождения, второго южнославянского влияния, который привел, с одной стороны, к возрождению литературы, восстановлению утраченных связей с христианским Востоком, а с другой – к проникновению в нее совершенно новой для русской культуры ренессансной идеи – ценности эмоционального мира отдельного человека. Как известно, эта ренессансная по своей природе идея была во второй половине XV века оценена как еретическая, опасная по своей природе для государства, нарушающая установленный Богом закон и порядок, и в итоге была отвергнута русской литературой.

Идея „чина“ вновь начинает доминировать в литературе конца XV–XVI столетий – эпохе второго монументального историзма (Лихачев), для которой становится актуальной идея главенства торжественной формы. Примерами могут служить и *Домострой*, и *Великие Четы-Минеи*, и *Степенная книга*. Установленный порядок во всех сферах жизни (государственной и частной) может быть рассмотрен как семиотический образ, в основе которого лежит функция красоты, приобретаемая особое значение во второй половине XVI века:

И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как третий новый великий Рим, воссиявший в последние годы, как великое солнце, в великой нашей Русской земле, во всех городах и во всех людях страны этой, красуясь и просветляясь святыми Божьими церквами, деревянными и каменными, словно видимое небо, красуясь и светясь, пестрыми звездами и незыблемым православием украшенное, Христовою верою укрепленное и непоколебленное злыми еретиками, возмущающими церковь Божию¹⁵.

„Обрядовая сторона жизни Русского государства достигла высокой степени развития в XVI веке. Литература вынуждена была воспроизводить содержание разрядных книг, чина венчания на царство, описывать сложные церемонии“¹⁶.

XVII век начинается смутой, за которой последовало и крушение самой системы „чина“. Именно поэтому первые представители дома Романовых вновь начинают активно возрождать „чин“ во всех сферах русской жизни (социальной и культурной). Яркой страницей литературного процесса середины XVII века и его второй половины становится еще большее по сравнению с XVI веком увеличение количества текстовых описаний церемониальных

¹⁴ *Повесть о разорении Рязани Батыем*, подг. текста, перев. и коммент. И.А. Лобаковой, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 5: XIII век, Санкт-Петербург 1997.

¹⁵ *Казанская история*, подг. текста и перев. Т.Ф. Волковой, коммент. Т.Ф. Волковой и И.А. Лобаковой, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 10: XVI век, Санкт-Петербург 2000.

¹⁶ Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, с. 363.

действ, условно называемых чиновниками¹⁷. На первый взгляд, с литературной точки зрения, они могут показаться исследователю мало интересными по сравнению с теми образцами русской беллетристики, в которых проявляют себя открытия литературы Нового времени (творчество Аввакума, *Повесть о Савве Грудцыне* и др.). Чиновники представляют собой вид ритуальных текстов придворной литературы, которые регламентировали церемониальную практику (венчание на царство, выходы царей и патриархов, придворные праздники) и являли собой развернутые сценарии с описанием состава участников торжества и приличествующей случаю одежды, обязательным обозначением места и роли каждого участника проводимого праздничного действия, с приведением реплик участников ритуала. Но именно эта жанровая единица, появляющаяся в огромном количестве и относящаяся все-таки к документальной книжности, дает возможность увидеть стремление автора XVII столетия зафиксировать представление о красоте в книжном тексте, придать ей приличествующие формы.

Заслуживает внимания определение чина, которое встречается во вступительной части известного памятника середины XVII века (1656) и содержит описание чина¹⁸ посвящения царского сокольника в начальные. Памятник подробно был рассмотрен нами в издании „*Урядник сокольничья пути*” как памятник русской художественной культуры середины XVII века.

А честь и чинь и образец всякой вещи большой и малой учинеть по тому: честь укрепляет и возвышает ум; чинь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; безъ чести же малится и не славится умь; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрепитя; безстройство же теряет дело и возставляет безделье. Всякий же читателю почитай, и разумевай, и узнавай, а насъ слагателя похваляй, а не осуждай. Что всякой вещи потреба? Меряние, сличие, составление, укрепление; по томъ въ ней или около ея: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещь безъ добрых меръ и иныхъ вышписанныхъ вещей бездельна есть и не можетъ составиться и укрепитя¹⁹.

Отечественная и европейская славистика в большей мере исследовала те новаторские явления литературного процесса XVII века, которые привели

¹⁷ Под „чиновниками” мы понимаем особый вид документальной книжности, в которой содержалось подробное описание каких-либо торжественных церемониалов, имевших распространение в культуре Древней Руси. В переходный период (XVII век), а затем и в более поздний период русской культуры, как показано в исследовании, проделанном Чёрной, понятие чина сужается и начинает активно фигурировать в бюрократической системе, являясь определенным маркером теперь уже социального положения человека. См. Л.А. Чёрная, *op. cit.*, с. 343–356.

Позже, уже в эпоху Петра I, за словом „чин” закрепилось следующее лексическое значение: „звание, присваиваемое государственным служащим и военным в соответствии с табелью о рангах”, соответственно, человек, владеющий тем или иным чином, – чиновник.

¹⁸ А.В. Шунков, „*Урядник сокольничья пути*” как памятник русской художественной культуры середины XVII века, Кемерово 2007, с. 68.

¹⁹ Текст цитируется по рукописи: Российский государственный архив древних актов. Ф. 27. Оп. 1. № 52/1.

русскую литературу к открытиям человеческого характера, привнесли авторское начало, позволили вписать русскую литературу в общеевропейское культурное и литературное пространство. На этом фоне огромный пласт церемониальных текстов середины XVII – второй половины XVII века остается до сих пор малоизученным. Так, продолжающееся серийное издание *Библиография работ по древнерусской литературе*, выпускаемое Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН²⁰, дает возможность убедиться в том, что в поле внимания исследователей в основном находился узкий круг описаний церемониальных актов – чины венчания российских царей (XVI–XVII веков), царские „походы” (торжественно-церемониальные выезды монарха как светские, так и богомольные), свадебные чины²¹ и ряд других, таких как: *Чин избрания епископа* (1630), *Чин мироварения и мироосвящения* (1624), *Чин исповеданию святейшим патриархом* (1630), *Чины церковные* (1630), *Чин пещнаго действия* (1630), *Чин освящения воды* (1655), *Три чина присяг* (1654) и др. А именно эти жанровые формы, хотя и относятся по большей своей части к документальным текстам, позволяют увидеть представление книжника о красоте, сохраняющее в XVII веке, с одной стороны, христианское понимание порядка, гармонии („чина”) и хаоса, греха („бесчиния”), а с другой – постепенно эволюционирующее уже в Новое время и придающее церемониальному действию торжественный светский характер, как в случае, описанном во втором варианте²² чина бракосочетания царя Алексея Михайловича 1671 года²³. И подобный пример переписывания и редактирования ранее

²⁰ *Библиография советских русских работ по литературе XI–XVII вв. за 1917–1957 гг.*, сост. Н.Ф. Дробленкова, ред. В.П. Адриановой-Перетц, Москва–Ленинград 1961; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958–1967 гг.*, сост. Н.Ф. Дробленкова, ред. В.П. Адрианова-Перетц, Л.А. Дмитриев, ч. 1 (1958–1962 гг.), Ленинград 1978, ч. 2 (1963–1967 гг.), Ленинград 1979; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1968–1972 гг.*, сост. Н.Ф. Дробленкова, ред. Д.М. Буланин, Санкт-Петербург 1996; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1973–1987 гг.*, сост. А.Г. Бобров, М.Д. Каган, Н.И. Милютенко, М.А. Салмина, О.В. Творогов, ред. Т.Г. Иванова, О.В. Творогов, ч. 1 (1973–1977), Санкт-Петербург 1995, ч. 2 (1978–1982), Санкт-Петербург 1996; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России). 1988–1992 гг.*, сост. О.А. Белоброва, С.Э. Коледа, М.А. Салмина, С.А. Семячко, О.В. Творогов, М.А. Федорова, ред. Т.Г. Иванова, С.А. Семячко, О.В. Творогов, Санкт-Петербург 1998; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России. 1993–1997 гг.*, сост. М.А. Салмина, О.В. Творогов, О.Л. Новикова, В.А. Ромодановская, ред. С.А. Семячко, О.В. Творогов, Санкт-Петербург 2005; *Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России в 1998–2002 гг.*, сост. В.А. Ромодановская, М.А. Салмина, О.В. Творогов, ред. Т.Г. Иванова, В.А. Ромодановская, Москва–Санкт-Петербург 2008.

²¹ *Чин свадебный*, подг. текста, перев. и коммент. В.В. Колесова, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 10: *XVI век*, Санкт-Петербург 2000, с. 240–251.

²² Как известно, царь Алексей Михайлович был женат дважды. Первое бракосочетание с Марией Ильиничной Милославской состоялось в 1648 году. Специально к этому событию был составлен чин. После смерти первой супруги в 1669 году Алексей Михайлович женится вторично 22 января 1671 года на Наталье Кирилловне Нарышкиной, по этому случаю и будет составлен новый вариант свадебного чина.

²³ Л.И. Сазонова, *Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу*, в: *Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте*, Новосибирск 2008, с. 231–242.

существовавших чинов не единичен. Можно обратиться к известному чину организации посвящения в начальные сокольники, созданному при непосредственном участии царя Алексея Михайловича, в названии которого нельзя не увидеть противопоставление двух разных редакций текста – *Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути* (1656).

На первых страницах книги составитель делает важную помету, тем самым указывая на то, что инициатива изменения, по-видимому, существовавшего прежнего варианта исходит от самого монарха.

Государь, царь и великий князь, Алексій Михайлович, всея великія и малыя и белыя Россіи самодержецъ, указалъ быть новому сему образцу и чину... Прилогъ книжный, или свой.

Данный пример, когда по прошествии времени создается новый, более сложный и продолжительный по времени вариант описания церемониального действия, показателен²⁴. Во-первых, он не может не свидетельствовать о меняющемся представлении не только о роли этого церемониала в повседневности, но и об изменении в понимании эстетической категории прекрасного. В процессе редактирования чиновников тексты наполнялись не только новым содержанием, новыми деталями проводимого обрядового действия, но и новыми риторическими фигурами, использовавшимися при характеристике действий участников ритуала. В результате чины превращались в тексты, уже тяготеющие к образцам художественных произведений со своей особой поэтикой, свойственной драматургии. Во-вторых, динамика самой жанровой формы чина приводила к изменению представлений о красоте, постепенно утрачивавшей религиозную основу и приобретающей секуляризованный характер. В этом случае роль многочисленных „чиновников” – описаний церемониалов и торжеств – нельзя недооценивать, обращаясь к характеристике историко-литературного процесса в России переходного периода.

Таким образом, подводя итог нашим размышлениям, отметим следующее: в процессе художественной эволюции русской культуры изменялось и представление о чине как категории, определявшей суть понимания гармонии и порядка. На начальном этапе (в домонгольский период развития русской культуры и литературы) рассматриваемая категория характеризовалась только с религиозных позиций, и основными чертами понятия „чин”, с точки зрения Чёрной, являлись „связь с феноменом христианского понимания красоты”. В последующие же этапы развития русской культуры категория „чин” постепенно превращается в некий норматив, регламентирующий уже социальные отношения.

²⁴ Насколько динамична, изменчива была рассматриваемая жанровая форма, можно проследить и на примере других „чинов” – описания посещений царем Николо-Угрешского монастыря, сравнив первый „поход” 8 мая 1647 года с описанием посещения монастыря в 1668 году, в сценарий которого по инициативе Алексея Михайловича была включена церемония проводов патриарха Антиохийского Макария.

Summary

The Concept of Order and Its Realization in the Genre Tradition of Old Russia

The article considers the problem of the creation and evolution of a specific genre of medieval Russian literature – order (a description of court ceremonial). The article identifies the origins of the genre form, its artistic and aesthetic basis, analyzes the evolution of the Russian publishing tradition of book of the 12–17th centuries. Particular attention is drawn to the existence of the called genre forms in the Russian court culture of the 1650s, the era of the reign of Tsar Alexei Mikhailovich.